

ГОГОЛЬ И РОССИЯ

«Соотечественники, страшно!» — закричал Гоголь на всю Россию. Чего он так испугался, мы теперь знаем.

Два предостережения даны были России: «Мертвые души» Гоголя и «Бесы» Достоевского. Первое, хоть и менее точное, грознее, чем второе: Достоевский все-таки жил и умер с надеждой, что Россия спасется; Гоголь жил в страхе и умер от страха, что Россия погибнет.

«Русь, куда несешься ты?» Он уже знал куда, — в пропасть.

«Бесы» — те же «Мертвые души» — «дряхлые страшилища с печальными лицами», «дети непросвещения, русские уроды, взятые из нашей же земли»; призрачные, но «из того же тела, как мы»; сами же мы, искаженные в дьявольском зеркале.

«Боже, как грустна наша Россия!» — воскликнул Пушкин, когда Гоголь прочел ему первые главы «Мертвых душ». Как Россия страшна, — этого Пушкин еще не знал, но уже знал Гоголь. Вот отчего и закричал на всю Россию: «Соотечественники, страшно! Стонет весь

умирающий состав мой, чужа исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли... не прозревая, какие страшилища от них подымутся».

Но если он надеялся, что, «хоть одна живая душа в России», услышит его, то надежда эта исчезла у него после «Переписки с друзьями».

Как бы мы ни судили об этой книге, одно несомненно: в ней весь Гоголь, — не то, чем желали бы его видеть друзья или враги, а то, чем он действительно был.

Гоголь давно знал, что он один, но только после «Переписки» понял весь ужас своего одиночества.

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, что вы делаете? — писал ему Белинский. — Христа-то вы зачем примешали тут?.. Или вы больны или... не смею досказать своей мысли» (это значит: «или вы мерзавец»).

Крайние правые соглашались с крайними левыми, в суде над Гоголем. «Все это ложь, дичь и нелепость... и сделает Гоголя посмешищем всей России», — предсказывает Сергей Аксаков, и объявляет приговор общественного мнения над Гоголем: «Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделала его сумасшедшим».

«Как же вышло, — недоумевает Гоголь, — что на меня рассердились все до единого в России... восточные, западные, нейтральные — все?»

Все, кроме Церкви: та не «рассердилась», а просто не заметила Гоголя. И это для него было хуже всего, потому что он искал в Церкви последнего убежища.

«Русские люди, я требую от всех вас помощи, как погибающий брат... у братьев своих!» Вот как помогли.

Главная ошибка всех обвинителей Гоголя заключалась в предположении, будто бы, до «Переписки» произошел с ним какой-то «религиозный переворот», тогда как ничего подобного не было: Гоголь и здесь, в «Переписке» шел тем же путем, которым шел всегда, но здесь яснее, чем где-либо, выразилась главная и, можно сказать, единственная мысль всей жизни его: только со Христом спасется Россия, а без Него, погибнет.

«Мне ставят в вину, что я заговорил о Боге... Что же делать, если наступает такое время, когда невольно говорится о Боге? Как молчать, когда и камни готовы завопить о Боге?.. Нет, умники не смутят меня тем, что я недостойн, и не мое дело, и я не имею права: всякий из нас до единого имеет это право». Вот, в самом деле, не- опровергнутое — неопровержимое право и правота Гоголя.

Он почувствовал до смертной боли и смертного ужаса, что христианство для современного человечества все еще остается чем-то сказанным, но не сделанным, обещанным и неисполненным. Христианство не входит в жизнь, и жизнь не входит в христианство; они разошлись и с каждым днем, все дальше расходятся.

«И непонятною тоскою уже загорелась земля; черствее и черствее становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только, в виду всех, исполинский образ скуки, достигая, с каждым днем, неизмеримейшего роста». Трудно поверить, что это сказано в 40-х годах прошлого века, а не в 30-х — настоящего.

Положение России, предостерегает Гоголь, ничем не лучше положения Европы. «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а в жизни еще неустроенней и беспорядочней всех. Хуже мы всех прочих — вот что мы должны всегда говорить о себе». — «Если бы я вам рассказал то, что я знаю, тогда бы помutilись мысли ваши, и вы подумали бы, как бы убежать из России. Но куда бежать?.. Европе пришлось еще труднее, чем России. Разница в том, что там этого еще никто не видит». Трудно поверить, что и это сказано не в наши дни.

Здесь Гоголь видит дальше Достоевского: тот надеялся, что в общей мировой катастрофе уцелеет и спасет Европу одна Россия.

Ужас надвигающейся гибели предчувствовал Гоголь, как никто, и в чем спасение, знал тоже, как никто. Только в христианстве заключена «возможность примирения тех противоречий, которых не в силах примирить чело-вечество, помимо Христа». — «Только Церковь может разрешить все узлы недоумения и вопросы наши».

Церковь Восточную противопоставляет Гоголь Церкви Западной; но ведь он только что сказал, что Россия «не лучше, а хуже всех прочих» христианских народов; что христианство в России еще меньше вошло в жизнь, чем в Европе. Выход из этого противоречия один: Гоголь говоря о Церкви настоящей, Восточной, в действительности, понимает или предчувствует будущую Вселенскую Церковь. В этом смысле прав Аксаков: Гоголь в религиозных исканиях своих пытался разрешить задачу «исполински-страшную», которой «не разрешили все 1847 лет христианства».

«Мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит, какое-то большое самопожертвование», — вспоминает Гоголь. В мученической смерти его совершилось действительно великое «самопожертвование»: Гоголь умер за Россию. Но русские люди не приняли и не поняли этой жертвы: сначала перешагнули через мертвое тело Гоголя, а потом — и через мертвое тело России.

«Скажите мне: зачем мне, вместо того, чтобы молиться о прощении грехов моих, хочется молиться о спасении России?» — пишет Гоголь перед отъездом в Иерусалим, и посылает друзьям молитву о себе:

Боже, дай ему силу помолиться у Гроба Святого... о всех людях земли нашей, о мирном для нее времени... о воцарении в ней Царствия Твоего!

В наши дни, когда все неслышанные предостережения Гоголя так страшно исполнились, хочется верить, что он молится у престола Господня этой молитвой о спасении России.

«Будьте не мертвые, а живые души» — предсмертный завет Гоголя русским людям. Что же делать, чтобы исполнить этот завет? Одни говорят: «Нельзя быть живым, не отрекшись от Христа»; а другие: «Нельзя быть со Христом, не отрекшись от жизни». Гоголь верил, что жизнь будет во Христе и Христос будет в жизни. К этому он и звал Россию, но никто его не услышал, может быть, потому, что тогда еще не исполнились времена и сроки. Неужели и теперь не исполнились и мы еще не поняли, что Россия спасется только тогда, когда скажет вместе с Гоголем: «Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом»?